

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА ПОИСК МЕТАТЕКСТА В РАННИХ РОМАНАХ («ЧАПАЕВ И ПУСТОТА», «GENERATION «П»)

Аюпов Т.Р.

Доцент Кокандского ГУ

Timurka2005@bk.ru

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17365872>

Аннотация: Статья рассматривает стиль особенностей художественной структуры двух романов В. Пелевина, отметим, что проведённый нами анализ, прежде всего, указал на тождество жанра и близость времени создания текстов, а также позволил выявить сходные особенности построения системы образов в данных текстах. Важнейшими чертами, свидетельствующими о близости рассмотренных произведений друг к другу, являются присутствие центрального хромотопного образа, стандартная схема расстановки «действующих лиц», сходство главных героев, типологическое родство второстепенных персонажей, наличие переходящих из одного произведения в другое сквозных «действующих лиц».

Ключевые слова: В. Пелевин, «Чапаев и Пустота», «Generation «П», метатекст, сравнение, художественный образ, художественная реальность.

Изначально вопрос о художественной реальности в литературоведении ставился, в пользу подхода к романам «Чапаеву и Пустоте», «Generation «П», как к некому сверхтекстовому единству свидетельствуют наличие в них повторяющихся мотивов, важнейшими из которых являются мотив иллюзорности бытия, мотив хаоса, мотив непонимания и одиночества, мотив болезненности существования, мотив обманчивости красоты, мотив вырождения современной культуры. Значительная часть из них заимствована из восточных религиозно-философских учений, в частности буддизма, другие же «смысловые повторы» органично вписываются в общую фрагментированную, хаотичную и лишённую единого организующего начала постмодернистскую картину мира.

К числу других характерных поставангардных черт рассматриваемых текстов относятся широкое использование образности, связанной употреблением табуированной лексики, изображение, а также деконструкция европейских философских воззрений и христианских религиозных верований. Важно отметить, что и активное использование буддийских аллюзий (как и вообще аллюзийность и цитатность в качестве базового принципа создания текстов), тоже можно считать постмодернистской приметой, поскольку «канонический» пересказ слов Будды часто сочетается в творчестве рассматриваемого автора с новым осмыслением основных идей этого учения и его, мягко говоря, нетрадиционным изложением (благо в буддизме, в отличие от христианства, подобное вольное отношение к священным текстам допускается и не считается кощунством). Ещё раз подчеркнём, что сказанное справедливо для двух романов В. Пелевина.

Наконец, само построение произведений также обнаруживает характерные сходные тенденции: тяготение к кольцевой композиции, фрагментарность повествования и наличие вставных новелл. Всё это вместе взятое позволяет сделать

вывод о том, что произведённое Д. Полищуком объединение обозначенных текстов в цикл нельзя считать чем-то механическим, привнесённым извне, ибо оно органично проистекает из характерных особенностей самих романов.

Как показал проведенный анализ, метатекстуальный пласт повествования присутствует во всех частях указанных произведений и представлен в ней, помимо названия произведения и именовании его глав, сопровождающими текст предисловиями, эпиграфами, примечаниями, посвящениями, а также высказываниями о создаваемых произведениях в самих текстах, приписанными их повествователям.

В полном соответствии с постмодернистской идеей многогранности реальности, непознаваемости мира и возможности разных его интерпретаций в большинстве романов Пелевин не останавливается на едином названии представляемого текста, а даёт несколько его вариантов, подчёркивая, что тот из них, который вынесен на обложку, выбран лишь как наиболее удобный. Как в заголовке произведений, так и в эпиграфах к нему, так же при желании легко могут быть обнаружены несколько смыслов, взаимодополняющих друг друга, что (тоже в постмодернистском духе) способствует усилению игрового начала в романах.

Эпиграфы для своих произведений В. Пелевин не только берёт из реально существующих текстов, но и зачастую сочиняет сам, приписывая их конкретному лицу или ограничиваясь упоминанием о «неизвестном источнике», из которого они якобы происходят. Обычно уже в них писатель объявляет тему произведения или ставит его основную проблему и задаёт важнейшие координаты смыслового пространства, в котором будет разворачиваться действие романов.

Иногда присутствующие в тексте предваряющее его посвящение или указание на место и время создания в конце романа часто носят абсурдный характер, с одной стороны, подчёркивая хаотичность мира, с другой – заключая в себе дополнительное значение, которое может варьироваться от определения временных границ повествования (ГП) до имплицитного выражения идеи «языка власти» (Ч).

Имеющиеся в первом и заключительном романах тетралогии предисловия представляют собой критические рецензии на соответствующие тексты, приписанные ролевым персонажам. В них с дружественных или враждебных автору позиций даётся более или менее разгромная «опережающая оценка» чисто литературных или идеологических недостатков представленных произведений, призванная ретушировать «корявости авторского слога», высмеять недоброжелательных критиков и обеспечить писателю игровое пространство для отступления.

Тот же постмодернистский принцип бесшабашного «стёба», позволяющий уменьшить степень авторской ответственности за содержание произведения и максимально от него дистанцироваться, реализуют и метатекстуальные высказывания в тексте самих романов. Таковы, в частности, критические замечания одних героев романа о суждениях других, а также указания на детали мифологизированного процесса создания текста, являющиеся частью авторской игры с читателем.

Помимо концепций постмодернизма, тексты рассматриваемого автора обнаруживают в себе черты сходства с произведениями массовой культуры. Важнейшей принципиальной особенностью паралитературы, проявившейся в тетралогии Пелевина и отчасти затронувшей и её метатекстуальный уровень (название первого романа

тетралогии, обилие рекламных роликов во втором), является установка на популярность произведения, повышающую читательский спрос на него. Средствами её осуществления оказываются у Пелевина такие характерные черты, как известный схематизм образов, использование популярных персонажей массовой культуры (на страницах романов иногда появляются герои мексиканских сериалов и голливудских боевиков, «действующие лица» сравниваются с детскими игрушками «покемонами»), авантурный сюжет, счастливый (иногда хотя бы на первый взгляд) конец, реализующая те же коммерческие цели установка на эпатаж.

Вместе с тем, в творчестве писателя есть ряд особенностей, выводящих его произведения за рамки паралитературы. Так, в его произведениях отсутствует чёткая жанровая определённость, характерная для продуктов масскульта, писатель часто ставит в своих текстах «вечные вопросы», более характерные для русской классики, и пытается найти ответ на них, разрабатывает идеалистические философские концепции.

Однако, пожалуй, наиболее примечательной и парадоксальной чертой, проявившейся в романах Пелевина, отличающей его как от популярной, так и от классической литературы, является его критика современной коммерциализованной массовой культуры с одной стороны и бесполезной и сложной литературной классики - с другой. Эта уникальность позиции рассматриваемого автора объясняется, на наш взгляд, ощутимым противоречием между утилитарно-бытовым восприятием литературы как способа обеспечить себе безбедное существование, стремлением выразить при этом в создаваемых книгах свои любимые идеи и одновременно глубоким (буддийско-даосским по происхождению) недоверием к слову, как таковому.

Соответственно, выражаемое с помощью странных предисловий и примечаний стремление предельно отстраниться от своих произведений, отказавшись от авторства, и вместе с тем оставшись присутствовать на их страницах, можно рассматривать как очередное проявление равно характерной как для буддизма, так и для постмодернизма воли к освобождению, включающему в себя диалектическое снятие любых возможных противоречий, выход за пределы ограничений, накладываемых обществом и собственным мышлением, и преодоление литературного текста как выражения довлеющей над свободным духом власти языка.

Список использованной литературы:

1. Пелевин В. О. Generation «П»: Роман / В. О. Пелевин.- М.: Вагриус, 2002.- 336 с.
2. Пелевин В. О. Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда: Роман и рассказы / В. О. Пелевин.- М.: Эксмо, 2005.- 384 с.
3. Пелевин В. О. Жёлтая стрела: Повести. Рассказы / В. О. Пелевин.- М.: Вагриус, 2002.- 496 с.
4. Пелевин В. О. Омон Ра: Роман: Рассказы / В. О. Пелевин.- М.: Вагриус, 2000.- 272 с.
5. Пелевин В. О. Хрустальный мир: Рассказы / В. О. Пелевин.- М.: Вагриус, 2002.- 224 с.
6. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота: Роман / В. О. Пелевин.- М.: Вагриус, 2002.- 399 с.